

ЗВЕЗДЫ НОВОЙ
ФАНТАСТИКИ

Книги Дэна Симмонса,
опубликованные Издательской Группой
«Азбука-Аттикус»

Террор

Друд

Пятое сердце

Темная игра смерти

Лето ночи

Сироты вечности

Илион

Олимп

ДЭН
СИММОНС

ОЛИМП

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445
С 37

Dan Simmons
OLYMPUS
Copyright © 2005 by Dan Simmons
All rights reserved

Перевод с английского Юлии Моисеенко
под редакцией Екатерины Доброхотовой-Майковой

Серийное оформление Виктории Манацковой

Оформление обложки и иллюстрация на обложке
Сергея Шикина

© Ю. Е. Моисеенко, перевод, 2007
© Е. М. Доброхотова-Майкова, примечания, 2023
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2023
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-22285-4

Откуда же Гомер мог знать, если во время этих событий
он был верблюдом в Бактрии?

*Лукиан. Сновидение
(Перевод Н. Баранова с изменениями)*

Подлинная история Земли в конечном счете сводится
к истории воистину беспощадных сражений. Собратья,
боги и собственные страсти никогда не оставят челове-
ка в покое.

Джозеф Конрад. Заметки о жизни и литературе

Но пусть вовеки не стгорит
Разрушенная Троя
И Лая гнев не омрачит
Счастливого покоя —
Хотя бы Сфинкс и стал опять
Свои загадки задавать.

А если и грозит закат,
То новые Афины
Лучом последним озарят
Иных времен равнины
И, как вечерняя заря,
Погаснут, землю одаря.

*Перси Биши Шелли. Эллада
(Перевод К. Чемена)*

ЧАСТЬ 1

Елена Прекрасная просыпается перед самым рассветом от сирен воздушной тревоги. Она ощупывает подушки, однако ее нынешний любовник, Хокенберри, опять исчез, ускользнул в ночи, пока спали слуги. Вечно он ведет себя так, будто сделал нечто постыдное. Наверняка пробирается сейчас в свои покои по глухим закоулкам, где еле чадят факелы. Все-таки Хокенберри — удивительный и несчастный человек, думает Елена. И вдруг она вспоминает.

Мой муж мертв.

Парис погиб в поединке с безжалостным Аполлоном девять дней назад. Великая тризна с участием не только троянцев, но и ахейцев начнется через три часа, если божественная колесница, что кружит сейчас над городом, в следующие несколько минут не разрушит Илион до основания, — но Елене все еще трудно поверить, что Париса больше нет. Парис, Приамов сын, убит в бою? Парис низвержен в сумрачные пещеры Аида, его красота исчезла навеки? Немыслимо. Ведь это же *Парис*, прекрасный мальчик, который увез ее от Менелая, мимо стражников, через зеленые луга Лакедемона. Нежнейший из любовников даже после долгой, изматывающей, десятилетней войны. Тот, кого она тайно называла про себя «неудержимым, раскормленным в стойле жеребцом».

Елена встает с ложа, идет к внешнему балкону и раздвигает невесомые занавески, чтобы окунуться в предутренний свет Илиона. Сейчас середина зимы, и мраморный пол холодит босые ноги. В сумеречном покуда небе сорок или пятьдесят прожекторов шарят в поисках богов, богинь и летающих колесниц. От приглушенных плазменных взрывов содрогается установленный моравеками энергетический купол над городом. Внезапно по всему периметру защитных укреплений Илиона выстреливают вверх бес-

численные когерентные лучи — ослепительные снопы цвета лазури, изумрудов, свежей крови. На глазах у Елены одиночный, но мощный взрыв сотрясает северную часть города; ударная волна раскатывается эхом среди безверхих башен Илиона и стряхивает длинные темные локоны с ее плеч. В последние недели боги начали применять мономолекулярные бомбы, вызывающие квантовые фазотрансформации в моравекском шите. По крайней мере, так разъясняли ей Хокенберри и забавное железное существо по кличке Манмут.

Елене Прекрасной плевать на технологии.

Парис мертв. Мысль попросту не укладывается в голове. Елена готовилась погибнуть вместе с ним в тот день, когда ахейцы под предводительством ее бывшего мужа Менелая и его брата Агамемнона возьмут штурмом городские стены, как предрекала ее подруга-пророчица Кассандра, убьют всех мужчин и мальчиков, а женщин обесчестят и увезут в рабство на греческие острова. Вот в какой день Елена думала наложить на себя руки или погибнуть от Менелая меча. И почему-то она никак не представляла себе, что ее дорогой, самовлюбленный, богоподобный Парис, ее неудержимый жеребец, ее красавец-воин, умрет первым. Девять с лишним лет осады и славных сражений Елена верила, что боги уберегут ненаглядного Париса от любой беды и он всегда будет с ней на ложе. И боги оберегали его. А теперь убили.

Елена припоминает последний раз, когда она видела троянского супруга. Десять дней назад он покидал город, спеша на поединок с Аполлоном. Никогда еще Парис не выглядел столь уверенно в изящных доспехах из блистающей бронзы, с гордо откинутой головой, длинной, точно у жеребца, гривой льющихся по плечам волос и сияющей улыбкой, обращенной к Елене и тысячам троянцев, что, ликуя, взирали на него со стены у Скейских ворот. Быстрые ноги уверенно несли его «радостно-гордого», по выражению любимого царского аэда. Впрочем, в тот день они несли его к гибели от рук разъяренного Аполлона.

И вот он умер, думала Елена, и, если верить подслушанным пересудам, тело его изуродовано и почернело, кости сокрушены, безупречный золотой лик превращен огнем в мерзкую оскаленную маску, синие очи растаяли, клочья зажаренного мяса повисли на обгорелых скулах, словно... словно... *начатки* — первые куски жертвенного мяса, которые швыряют на землю, ибо считают негодными.

Елена зябко ежится на холодном рассветном ветру, глядя, как над крышами курится дым. На юге, со стороны ахейского лагеря, взмыли с ревом вдогонку отступающей колеснице три зенитные ракеты. Елена успевает заметить эту колесницу — короткую, яркую, точно утренняя звезда, вспышку, вслед за которой уже тянутся выхлопные ленты греческих ракет. Блестящее пятнышко без предупреждения квант-телепортируется, и небо пустеет. «Удирайте на свой осажденный Олимп, жалкие трусы», — думает Елена Прекрасная.

Звучит отбой воздушной тревоги. Улица под покоем Елены в доме Париса поблизости от разрушенного Приамова дворца вдруг заполняется бегущими людьми, ведра по цепочке передают на северо-запад, туда, где к зимнему небосводу по-прежнему тянется дым. Над крышами гудят летающие моравекские машины с колючими шасси и вращающимися прожекторами, похожие на черных шершней. Некоторые, как она знает по опыту и полуночным объяснениям Хокенберри, запоздало полетят «прикрывать город с воздуха», другие помогут загасить пламя. Затем троянцы и моравеки будут несколько часов вытаскивать из-под завалов изувеченные тела. Елена, знающая в городе почти всех, гадает, чьи души перенеслись в бессолнечный Аид сегодняшним ранним утром.

«Утром поминальной тризны по Парису. По моему милому. Моему глупому, обманутому любимому».

Начинают ворочаться служанки. На пороге спальни возникает самая старая из них — Эфра, мать царственного Тезея, бывшая афинская правительница, увезенная братьями Елены в отместку за похищение сестры.

— Сказать девушкам, чтобы приготовили ванну, госпожа? — спрашивает она.

Елена кивает. Еще мгновение она смотрит в светлеющее небо. Дым на северо-западе густеет, а затем понемногу рассеивается по мере того, как пожарные команды с помощью моравекских машин расправляются с пламенем. Боевые шершни роквеков продолжают безнадежную погоню за квант-телепортировавшейся колесницей. Проводив их взглядом, Елена Прекрасная возвращается в покои, шлепая босыми ступнями по холодному мрамору. Надо подготовиться к погребальному обряду и встрече с обманутым мужем после десяти лет разлуки. Кроме того, это первое публичное собрание, на которое одновременно явятся Гектор,

Ахиллес, Менелай и Елена, а также многие другие троянцы и ахейне. Мало ли что может случиться.

«Лишь боги ведают, чем кончится этот ужасный день», — думает Елена и, несмотря на печаль, не может сдержать улыбки. В последнее время все молитвы остаются без ответа. Настали дни, когда бессмертные вспоминают о смертных, только чтобы своими божественными руками сеять на земле ужас, погибель и страшные разрушения.

Елена Прекрасная идет совершать омовение и одеваться для тризны.

Рыжеволосый Менелай в лучших доспехах, молча, недвижно, гордо выпрямив спину, стоял между Одиссеем и Диомедом в первом ряду ахейской делегации героев, приглашенных в Илион на погребальный обряд в честь его главного врага, этого поганого женокрада, хренова сына Приама, свинячьего козла Париса. Стоял и размышлял, как и когда ему вернее прикончить Елену.

Особых сложностей не предвиделось. Она вместе со старым Приамом была на царской смотровой площадке посередине дворцовой площади в каких-то пятидесяти футах от ахейской делегации. Если повезет, Менелай пробежит это расстояние и никто его не остановит. А даже если не повезет и троянцы все же преградят ему путь, Менелай порубит их, словно бурьян.

Он был невысок — не благородный великан, как его брат, отсутствующий сейчас Агамемнон, и не худародный великан, как муравьиный хер Ахиллес, — и понимал, что не запрыгнет на стену, а вынужден будет бежать по ступеням, прорубаясь через толпу троянцев. Менелая это не смущало.

Главное, Елене некуда было скрыться. С балкона на стене храма Зевса вела лишь одна лестница. Если Елена укроется в храме, Менелай бросится следом и не даст ей уйти. Он знал, что успеет убить ее до того, как сам падет под мечами разъяренных троянцев — включая Гектора, который как раз показался во главе погребальной процессии. И тогда троянцы с ахейцами сойдутся в смертельной битве, забыв о безумной войне с богами. Разумеется, если Троянская война возобновится здесь и сегодня, Менелай обречен — а равно Одиссей, Диомед, а то и сам неуязвимый Ахиллес, — поскольку на погребение собаки Париса собралось лишь три десятка ахейцев, а троянцев тысячи. Они толпились повсюду — на площади, на стенах, между ахейцами и Скейскими воротами.

«Оно того стоит».

Эта мысль пронзила череп Менелая, будто наконечник копья. «Все, что угодно, лишь бы убить вероломную суку». Несмотря на стылый и пасмурный зимний день, из-под шлема бежали ручейки пота. Просочившись по стриженной рыжей бороде, они капали с подбородка на бронзовый нагрудник. Менелая нередко доводилось слышать этот стук тяжелых капель по металлу — но прежде то была кровь противников, багрящая их доспехи. Он в одуряющем бешенстве сжал рукоять меча.

«Сейчас?»

«Нет».

«Почему не сейчас? А когда же?»

«Не сейчас».

Спорящие голоса в голове — оба принадлежали ему, поскольку боги с ним больше не разговаривали, — сводили Менелая с ума.

«Как только Гектор зажжет погребальный костер, тогда и действуй».

Менелай сморгнул соленые струйки. Он не знал, какому из голосов принадлежало последнее предложение — тому, что рвался в бой, или другому, который трусливо советовал тянуть время, — но решил ему последовать. Погребальная процессия только что вошла в Илион через огромные Скейские ворота и теперь несла обугленный труп Париса, укрытый шелковым саваном, по главной городской улице в сторону дворцовой площади, где ждали ряды высокородных сановников и героев, а женщины, в том числе и Елена, смотрели со стены. Еще несколько минут — и старший брат убитого, Гектор, начнет поджигать погребальный костер, внимание зрителей обратится на пламя, пожирающее и без того обгорелый труп. «Самое время действовать. Никто не заметит, пока я не всажу десять дюймов клинка в предательскую грудь Елены».

По традиции похороны членов царской семьи, таких как Парис, сын Приама, один из троянских царевичей, длились девять дней и включали гонки на колесницах, атлетические состязания, метание копий и прочие игры. Однако ритуальные девять дней с тех пор, как Аполлон превратил Париса в уголья, ушли на долгое путешествие дровосеков к лесам, еще уцелевшим на склонах Иды, во многих лигах к юго-востоку. Маленькие машинки, звавшие себя моравеками, сопровождали телеги на своих шершнях,

защищая людей силовым полем на случай нападения богов. И те, разумеется, нападали. Однако лесорубы все же сделали свое дело.

Лишь теперь, на десятый день, дрова привезли в Троию и сложили костер. Впрочем, Менелай и многие его товарищи, включая Диомеда, стоящего с ним бок о бок, считали обряд сжигания вонючего мертвеца напрасной тратой доброго топлива. И город, и мили некогда лесистого побережья давно лишились древесины, растроченной за десять лет на лагерные костры. Поле битвы покрывали бесчисленные пни. Даже хворост давным-давно подобрали. Ахейские рабы готовили пищу для господ на сухом навозе, что не повышало ни вкусовых свойств еды, ни настроения греков.

Возглавляла погребальный кортеж величавая череда троянских колесниц. Копыта коней, обернутые черным войлоком, еле слышно ступали по широким булыжникам главной улицы и городской площади. За спинами возниц в молчании замерли величайшие герои Илиона, воины, пережившие девять с лишним лет осады и ужасную восьмимесячную битву с богами. Первым ехал Полидор, сын Приама, за ним — еще один брат Париса, Местор. На следующих колесницах стояли союзник троянцев Ифей и Лаодок, сын Антенора. За ними на собственной богато украшенной колеснице — Антенор, как всегда среди бойцов, а не с почтенными старцами на городской стене. Затем — полководец Полипет, а далее — прославленный возница Сарпедона Фразимед, замещающий своего господина, предводителя рати ликийцев, убитого Патроклом в ту пору, когда троянцы еще искали сражений с греками, а не с бессмертными. Следом благородный Пиларт — нет, разумеется, не троянец, павший от руки Большого Аякса перед самым началом войны с богами, а другой, который так часто бился рядом с Элазом и Мулием. Замыкали процессию Перим, сын Мегаса, Эпистор и Меланипп.

Менелай узнавал каждого из этих мужей, героев, своих противников. Тысячи раз ему доводилось видеть их искаженные гневом, залитые кровью лица под бронзовыми шлемами на расстоянии брошенного копья или даже взмаха мечом. Тысячи раз эти люди преграждали ему путь к двойной цели — к Илиону и Елене.

«До нее пятьдесят футов. И никто не ждет моего нападения».

За колесницами слуги вели предназначенных для костра животных: десять коней Париса (хороших, но не лучших), его охотничьих собак, стадо откормленных овец (очень серьезная жертва, если учесть, что за время божественной осады шерсть и баранина

сделались редкостью) и несколько старых коров. Их пригнали не ради пышности жертвоприношения — действительно, кому жертвовать, когда олимпийцы стали врагами? Просто жир закланных животных поможет сильнее и жарче разжечь погребальное пламя.

А следом — издалека, с Илионской равнины, — через Скейские ворота шагали тысячи троянских воинов, сверкая начищенными доспехами в этот хмурый зимний день. Посреди людского потока плыло смертное ложе Париса — на руках двенадцати ближайших соратников по оружию, мужей, которые готовы были отдать жизнь за второго отпрыска Приама и сейчас рыдали, неся его паланкин.

Тело Париса укрывал голубой саван, почти утонувший под прядями волос, отрезанных его воинами и дальними родственниками в знак печали: старший брат и ближняя родня отрежут локоны перед тем, как загорится костер. Троянцы не просили ахейцев жертвовать волосы, а если бы попросили — и если бы Ахиллес, главный союзник Гектора в эти безумные дни, передал их просьбу или, хуже того, сформулировал ее как приказ, за исполнением которого будут следить его мирмидонцы, — Менелай самолично возглавил бы восстание.

Он пожалел, что рядом нет его царственного брата. Тот всегда знал, как действовать. Агамемнон — вот кто настоящий предводитель аргивян, а вовсе не самозванец Ахиллес и, уж конечно, не троянский ублюдок Гектор, вообразивший, будто может командовать аргивянами, ахейцами, мирмидонцами и троянцами. Нет, истинный греческий вождь — Агамемнон. Будь старший брат сегодня здесь, он либо удержал бы Менелая от опрометчивого нападения на Елену, либо рискнул жизнью, помогая тому исполнить намеченное. Однако Агамемнон и пять сотен верных ему людей отплыли на черных кораблях в Спарту и к греческим островам семь недель назад и должны были вернуться не раньше чем через месяц. Они объявили, что будут собирать новобранцев для войны с богами, а на самом деле намеревались искать союзников для мятежа против Ахиллеса.

Ахиллес. Вон он, вероломное чудище, ступает вслед за рыдающим Гектором, который идет за паланкином, бережно держа голову покойного брата в огромных ладонях.

При виде мертвого тела тысячи троянцев на городских стенах и главной площади издали могучий стон. Женщины на крышах и балконах — те, что попроще, не из Приамова рода и не Еле-

на, — завыли в голос. У Менелая по коже побежали мурашки. Бабы причитания вечно на него так действовали.

«Моя сломанная искалеченная рука», — подумал Менелай, разжигая свой гнев, словно гаснущий погребальный костер.

Ахиллес — тот самый полубог, шагающий сейчас подле носилок, которые торжественно проносили мимо делегации ахейских военачальников, — сломал Менелая руку восемь месяцев назад, в тот день, когда быстроногий мужеубийца объявил аргивянам, что Афина Паллада убила его друга Патрокла и в насмешку забрала тело с собой. Затем Ахиллес объявил, что отныне ахейцы и троянцы не будут воевать друг с другом, а возьмут в осаду Олимп.

Агамемнон, конечно, был против: против дерзости Ахиллеса, против узурпации, его, Агамемнона, законной власти царя царей всех греков, собравшихся у стен Трои, против неслыханного кощунства — нападения на богов, чьего бы друга ни убила Афина (если Пелид вообще говорил правду), — и против того, чтобы десятки тысяч ахейских воинов перешли под командование Ахиллеса.

Ахиллес ответил коротко и прямо: он готов драться с любым, кто не примет его власть или не захочет воевать с богами, — драться хоть поодиночке, хоть со всеми сразу. И пусть последний уцелевший правит аргивянами с этого утра.

Сотни ахейских полководцев и тысячи воинов в немом изумлении наблюдали, как гордые сыны Атрея разом бросились на самозванца с оружием.

Менелай хоть и не числился в рядах первых героев у стен Илиона, все же был закаленным в сражениях бойцом, а его брат вообще считался самым яростным из греков — по крайней мере, пока разобиженный Ахиллес отсиживался в своем шатре. Копье великого царя почти всегда било без промаха, меч рассекал семикожные щиты врагов, словно легкие хитоны; Агамемнон ни разу не смиловился даже над самым благородным противником, молившим о пощаде. Он был таким же статным, мускулистым и боговидным, как белокурый Ахиллес, однако его тело покрывали шрамы, заслуженные в славных боях, когда быстроногий был еще ребенком. Да еще в глазах Атрида полыхало звериное бешенство, в то время как Ахиллес ожидал нападения с хладнокровным, почти рассеянным выражением на юном лице.

Ахиллес управился с братьями, словно с малыми детьми. Могучее копьё Агамемнона отскакивало от Ахиллеса, как будто сын Пелея и богини Фетиды закован в невидимую энергетическую

броню моравеков. В ярости старший Атрид замахнулся мечом (Менелай подумал тогда, что таким ударом можно разрубить каменную глыбу), но клинок сломался о прекрасный щит Ахиллеса.

Затем Ахиллес обезоружил обоих братьев, швырнул их запасные копья и меч Менелая в океан, поверг соперников на жесткий песок и с легкостью сорвал с них доспехи — так мог бы орел разодрать когтями одежду на беспомощном трупе. Тогда-то мужеубийца и сломал Менелая левую руку (стоявшие вокруг боевые товарищи дружно ахнули, услышав, как, будто зеленая ветка, треснула кость), а его брату ребром ладони перебил нос, а в довершение пнул царя царей под ребра. Наконец Ахиллес наступил на грудь стонущему Агамемнону, в то время как стонущий Менелай лежал рядом с братом.

И лишь тогда Ахиллес обнажил меч.

— Клянись подчиниться мне и во всем верно служить, и я обещаю вам почтение, какого достойны сыны Атрея, и славное звание союзников в грядущей войне с богами, — сказал Ахиллес. — Промедлите хотя бы миг — и я низрину ваши песьи души в мрачный Аид, не успеют ваши товарищи моргнуть глазом, и брошу ваши тела без погребения окрестным птицам.

Агамемнон, постанывая и захлебываясь желчью, принес требуемую клятву. Менелай, терзаясь от боли в ушибленной ноге, сломанных ребрах и покалеченной руке, покорился секундой позже.

В целом тридцать пять ахейских военачальников бросили Ахиллесу вызов, и за какой-то час он одолел всех. Храбрейших он обезглавил — они отказались сдаться. Их тела Ахиллес, как и обещал, бросил на съедение птицам, рыбам и псам. Остальные двадцать восемь присягнули ему на верность. Никто из великих ахейских героев, во многом равных Агамемнону, — ни Одиссей, ни Диомед, ни старец Нестор, ни Аяксы, ни Тевкр — не бросил вызов быстрому мужеубийце. Услышав в подробностях, как Афина убила Патрокла и позже та же богиня растерзала Гекторову сына-младенца Скамандрия, они все поклялись объявить войну богам.

Больная рука снова заныла: кости не желали срастаться правильно, невзирая на старания прославленного целителя Подалирия, сына Асклепия. В промозглые дни вроде этого рука по-прежнему беспокоила Менелая, однако он удержался, не стал потирать больное место на виду у тех, кто проносил мимо греческих посланников погребальные носилки Париса.

Обвитые покровом, усыпанные прядями волос носилки ставят рядом с подготовленным для костра деревянным срубом под балконом на стене Зевсова храма. Колонна воинов останавливается. Женские причитания умолкают. В неожиданной тишине Менелай слышит, как тяжело дышат кони — и как один из них пускает на камень горячую струю.

Гелен, главный прорицатель Илиона и советник Приама, провозглашает с храмовой стены короткую хвалебную речь, но ее заглушает ветер, внезапно налетевший с моря подобно холодному, неодобрительному дыханию богов. Гелен протягивает церемониальный нож Приаму, почти облысевшему, но все еще сохранившему для таких вот торжественных случаев пряди длинных седых волос за ушами. Острым лезвием Приам отсекает белую прядь, и раб, много лет прослуживший в доме Париса, ловит ее в золотую чашу. Старый Приам протягивает нож Елене. Та смотрит на клинок долгим, изучающим взглядом, словно прикидывая, не вонзить ли отточенное лезвие себе в грудь. (У Менелая перехватывает дыхание: с этой мерзавки станет лишиться его столь близкой и желанной мести.) Тут Елена подхватывает длинный черный локон и отсекает кончик. Тот падает в золотую чашу, и раб шагает к безумной Кассандре, одной из многих дочерей Приама.

Несмотря на трудности и опасности, сопряженные с доставкой дров со склонов Иды, сруб удался на славу. Пусть и не сотня футов с каждой стороны, как делали прежде — иначе на площади не осталось бы места для толпы, — а всего лишь тридцать, зато гораздо выше обычного, почти до балкона. Наверх ведут широкие ступени, каждая представляет собой отдельную платформу. Внушительную кучу дров скрепляют и поддерживают крепкие брусья из Парисова дворца.

Могучие товарищи поднимают носилки на маленькую площадку на вершине сруба. Гектор ждет у подножия широкой лестницы.

Мужчины, привыкшие участвовать и в бойнях, и в жертвоприношениях, — а в конце концов, думает Менелай, какая между ними разница? — быстро и ловко перерезают шеи овцам, сцеживают кровь в церемониальные чаши, снимают шкуры и обдирают жир. В него-то и заворачивают мертвеца, будто кусок подгорелого мяса в мягкий хлеб.

Освежеванных животных относят на самый верх и кладут подле мертвого тела. Из храма появляются девственницы в полном церемониальном облачении, с опущенными на лица покрывалами.

Девушкам не полагается приближаться к сруб — они лишь подают бывшим телохранителям Париса двуручные кувшины с маслом и медом. Воины поднимаются по ступеням и с великой осторожностью опускают сосуды у тела.

Из десяти любимых коней Париса отбирают четырех лучших, и Гектор длинным ножом покойного брата перерезает им горло, переходя от одного к другому так стремительно, что даже умные, прекрасно обученные животные не успевают отреагировать.

Ахиллес с безумным рвением и нечеловеческой силой забрасывает четырех коней одного за другим на высокую деревянную пирамиду, каждого следующего на более высокий ярус.

Раб Париса выводит на свободное место любимых хозяйских псов. Гектор поочередно поглаживает их и чешет за ушами. Потом задумывается, будто припоминая все те разы, когда брат кормил их со стола и брал на охоту в горы или болотистые низины.

Гектор выбирает двух псов и кивает рабам, чтобы увели остальных. С минуту он ласково треплет каждого пса по загривку, словно желая угостить лакомой косточкой, затем перерезает им горло с такой силой, что чуть не отсекает головы. Убитых собак он сам кидает на сруб, и те падают намного выше мертвых коней, у подножия носилок.

А вот теперь — сюрприз.

Десять меднодоспешных троянцев и десять меднодоспешных ахейских копейщиков выкатывают телегу. На ней стоит клетка. В клетке — бог.

Симмонс Д.

С 37 Олимп : роман / Дэн Симмонс ; пер. с англ. Ю. Моисеенко ; под ред. Е. Доброхотовой-Майковой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. — 800 с. — (Звезды новой фантастики).

ISBN 978-5-389-22285-4

Современный классик Дэн Симмонс — прославленный автор «Террора», «Друда» и «Пятого сердца», фантастической эпопеи «Гиперион» / «Эндимион», «Темной игры смерти» и «Лета ночи», лауреат и финалист почти сотни престижных литературных наград в самых разных жанрах («Хьюго», «Небьюла», Всемирная премия фэнтези, премия имени Брэма Стокера, премия журнала «Локус», премия имени Артура Кларка, премия Британской ассоциации научной фантастики, а также многие другие, в том числе японские, немецкие, французские, итальянские, испанские награды). В дилогии «Троя», составленной романами «Илион» и «Олимп», он наконец вернулся к жанру, прославившему его в начале карьеры, — масштабной космической оперы со множеством аллюзий из классической литературы. Здесь разумные роботы-моравеки, прибывшие с лун Юпитера исследовать аномальную квантовую активность Марса, обсуждая в пути сравнительные достоинства Шекспира и Пруста, отправляются к почти обезлюдевшей Земле на ядерно-импульсном корабле «Королева Маб», срочно построенном на Фобосе по передовому слову земной науки образца 1950-х годов, и прихватывают с собой Одиссея собственной персоной; здесь греки и троянцы объединяются против олимпийских богов, пользующихся всеми чудесами нанотехнологии; здесь шекспировский Просперо, он же аватара земной ноосферы, путешествует эйфельбаном от Эвереста до крайней оконечности Португалии, где начинается Атлантическая Брешь...

Перевод публикуется в новой редакции.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Литературно-художественное издание

ДЭН СИММОНС

ОЛИМП

Ответственный редактор Александр Гузман
Редактор Екатерина Доброхотова-Майкова
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Анастасия Келле-Пелле, Светлана Федорова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 19.12.2022. Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 49.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

У-KNF-31249-01-R